

РАЗДЕЛ 1. СУБСТАНЦИАЛЬНАЯ ФОРМАЛЬНОСТЬ

Субстанциальная версия формальности предполагает трактовку ее как абстракции от материального и имеет, в свою очередь, множество модификаций. Центральной модификацией является истолкование формальности как инвариантности, основанное на интерпретации оппозиции формального материальному как его инвариантности относительно варьирования материального. В зависимости от понимания процедуры варьирования полезно различать две версии формальности как инвариантности⁵. Трактовка варьирования как операции с терминами ведет к схематической (подстановочной) формальности. Если же процедура варьирования понимается как операция с моделями, формальность оказывается инвариантностью относительно изоморфных или гомоморфных преобразований модели.

Глава 1. СХЕМАТИЧЕСКАЯ ФОРМАЛЬНОСТЬ

1.1. МАТЕРИЯ И ФОРМА СИЛЛОГИЗМА: ОТ АРИСТОТЕЛЯ К ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ КОММЕНТАТОРАМ

Схематическое истолкование формальности является, вероятно, исторически первой, по крайней мере в европейской традиции версией субстанциальной модели формальности логики. При таком истолковании форма аргумента предстает как схема, иначе говоря, как результат замены всех входящих в него нелогических терминов переменны-

⁵ См.: *Dutilh Novaes C. The Different Ways in which Logic is (said to be) Formal // History and Philosophy of Logic. 2011. Vol. 32, №4. P. 303–332.*

ми соответствующих категорий.

Уже Аристотель использовал буквенную символизацию в своей силлогистике. Принято считать, что это революционное нововведение равносильно использованию переменных в объектном языке логики и делает Стагирита родоначальником схематического истолкования формальности. Согласно Эдмунду Гуссерлю, «Аристотель подставляет алгебраические буквы вместо слов (терминов), указывающих материальное – то, о чем идет речь в предложении, то, что определяет суждение как суждение, относящееся к различным материальным регионам или отдельной материи»⁶. «Введение в логику переменных, – пишет в свою очередь Ян Лукасевич, – является одним из величайших открытий Аристотеля. Трудно поверить, что до сих пор, насколько мне известно, ни один философ или филолог не обратил внимания на этот исключительной важности факт. Я беру на себя смелость сказать, что все они были плохими математиками, ибо каждый математик знает, что введение в арифметику переменных положило начало новой эпохе в этой науке»⁷. Такую оценку разделяют многие современные исследователи. Например, редактор и переводчик новейшего Оксфордского издания «Первой Аналитики» Гизела Страйкер полагает, что «решающей инновацией..., которая сделала силлогистику формальной системой, явилось введение букв как мест для подстановки (placeholders) терминов»⁸.

Впрочем, сходство аристотелевской силлогистики с математикой подчеркивал уже Готфрид Лейбниц. «Я ду-

⁶ *Husserl E.* Formal and Transcendental Logic. Dordrecht: Springer, 1969. P. 48.

⁷ *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 42.

⁸ *Striker G.* Aristotle's Prior Analytics: Book 1, Oxford: Clarendon Press. 2009. P. xii.

маю, – замечает он, – что изобретение силлогистической формы есть одно из прекраснейших и даже важнейших открытий человеческого духа. Это своего рода универсальная математика, все значение которой еще недостаточно понято. Можно сказать, что в ней содержится искусство непогрешимости, если умеют правильно пользоваться им, что не всегда возможно. Надо заметить, что под аргументацией по форме я понимаю не только тот схоластический способ аргументации, которым пользуются в школах, но и всякое рассуждение, которое приводит к выводу в силу своей формы, и в котором не приходится дополнять ни одного члена»⁹. Вместе с тем, для итальянского автора Чинквеченто Марио Низолио, работы которого служили Лейбницу ‘*примером реформированной философской речи*’¹⁰, именно использование Аристотелем буквенных символов ‘словно бы речь шла о математических теоремах’ было основанием для критики силлогистики. В свою очередь, Рене Декарт разрабатывал проект Всеобщей математики (*Mathesis Universalis*) как развитие алгебраических идей арабских математиков, альтернативных силлогистике, полагая, что «формы силлогизмов и почти все другие ее правила, не столько содействуют исследованию того, что нам неизвестно, сколько изложению для других того, что мы уже знаем, или даже, как искусство Луллия, бестолковой и пространной болтовне о том, что нам неизвестно»¹¹.

И все же преобладающей является позитивная оценка

⁹ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М., 1983. Т. 2. С. 492–493.

¹⁰ Лейбниц Г.В. Предисловие к изданию сочинения Мариа Низолия «Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов» // Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М., 1984. Т. 3. С. 84.

¹¹ Декарт Р. Беседа с Бурманом // Декарт Р. Сочинения. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 483.

аристотелевской силлогистики как логической теории, на тысячелетия определившей магистральный путь развития логики как формальной дисциплины. «И в наши дни, – отмечает В.П. Зубов, – когда уже нет того ‘бытия’, от которого стремился исходить Аристотель – гомоцентрических небесных сфер с Землею в центре или ‘легких стихий’, устремляющихся с возрастающей быстротой к периферии сферического Космоса, “Органон” великого грека продолжает пленять тонкостью своего анализа. Тяжелый груз аристотелевской онтологии (respective физики) не мог увлечь на дно его логику»¹². Именно формальность логики, *ex nihilo* учрежденная «Органомом», полагается той фундаментальной особенностью, которая позволила ей сохранить дисциплинарное единство, несмотря на обусловленные прогрессирующей математизацией радикальные новшества. Авторитетный исследователь силлогистики Тимоти Смайли утверждает даже, что «Аристотель создал математическую логику, изобретя специфический объект ее изучения – формализованный язык»¹³.

Поразителен, однако, тот факт, что, вопреки укоренившейся традиции истолкования, Аристотель вообще не применял критерий формальности для демаркации границ логики и, более того, не распространял на логику фундаментальную для его метафизики дихотомию материи и формы¹⁴. Лишь дважды, да и то не в логических трудах, а в

¹² Зубов В.П. Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. М.: Либроком, 2009. С. 109.

¹³ Smiley T. The Schematic Fallacy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1982–1983. Vol. 83. P. 1.

¹⁴ По свидетельству Владислава Татаркевича, категория формы не играет существенной роли и в эстетике Аристотеля. Вместе с тем, схоласты, интерпретируя идущую от Псевдо – Дионисия дуалистическую формулу прекрасного – пропорция и блеск, светозарность (*claritas, splendor*) вещи – сближают ‘блеск’ с субстанциальной формой Стагирита. Альберт Великий

«Физике» и «Метафизике», он прибегает к аналогии между отношением формы и материи, с одной стороны, и посылок и заключения, с другой. «Буквы слогов, материал [различного рода] изделий, огонь и подобные элементы тел, также как части целого и посылки заключений, – пишет он в «Физике», – примеры причины ‘из чего’; одни из них как субстрат, например, части, другие же как суть бытия – целое, соединение, форма» (Физика, II.3.195a16-21)¹⁵. Практически идентичный фрагмент «Метафизики» таков: «Звуки речи у слогов, материал изделий, огонь, земля и все такого рода элементы тел, части целого, предпосылки для вывода – все они причины этих вещей в значении того, из чего эти вещи состоят; причем одни из них суть причины как субстрат (например, части), другие – как суть бытия вещи (таковы целое, связь и форма)» (Метафизика, 1013b, 20)¹⁶. Эта аналогия не имеет, однако, прямого отношения к логическому гилеморфизму, поскольку трактует посылки в целом как пример формы, а заключение – материи, не предполагая отделения их собственной формальной структуры от материальных (содержательных) компонентов.

«Удивительно, – замечает Макфарлейн, – но отец логики и гилеморфизма не был отцом логического гилеморфизма»¹⁷. Для объяснения этого историко-философского

пишет о прекрасном как блеске субстанциальной формы, проявляемом в материи. Согласно Св. Бонавентуре, каждое бытие прекрасно, ибо каждое бытие обладает формой: *omne quod est ens habet aliquam formam, omne autem quod habet aliquam formam habet pulchritudinem*. См.: Татаркевич В. История шести понятий. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. С. 250–251.

¹⁵ Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 88.

¹⁶ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 147.

¹⁷ MacFarlane J. What does it mean to say that logic is formal? PhD dissertation. Pittsburgh University, 2000. P. 255.

казуса важно прояснить, с одной стороны, специфику гилеморфизма Аристотеля и, с другой стороны, его трактовку логики.

Гилеморфизм Аристотеля породил практически необозримую комментаторскую литературу, не пришедшую, однако, к решающему консенсусу в силу чрезвычайной неоднозначности аристотелевской дихотомии материи и формы. «Вряд ли в “Метафизике” найдется хотя бы одно высказывание о форме, – сетуют Элизабет Энском и Питер Гич, – которое не противоречило бы (по крайней мере вербально) некоторому другому высказыванию»¹⁸. Комментаторы сходятся все же в том, что форма как суть бытия является, по Аристотелю, вторичной сущностью. Если первичная сущность представляет собой отдельный ‘вот этот’ индивидуум (‘этот человек’ или ‘эта лошадь’), то вторичная сущность – это неделимый вид, не распадающийся на другие виды, последнее индивидуализирующее различие в родовидовой иерархии¹⁹. В «Категориях» Стагирит пишет: «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный

¹⁸ *Ancombe G.E.M., Geach P.T. Three Philosophers: Aristotle, Aquinas, Frege. Oxford: Blackwell, 1961. P. 75.*

¹⁹ См.: *Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. СПб.: Издательство Института «Высшая религиозно-философская школа», 2012; Доброхотов А. Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Издательство Московского университета, 1986; Гайденко П.П. Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 114–140; Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.*

человек принадлежит к виду ‘человек’, а род для этого вида – ‘живое существо’. Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например ‘человек’ и ‘живое существо’» (Категории, 5, 2а 11-19)²⁰.

Во введении Порфирия к «Категориям» родовидовая субординация предстает в виде знаменитого ‘древа Порфирия’: «Субстанция и сама это – род, а под нею находится тело, под телом – одушевленное тело, под этим последним – живое существо, под живым существом – разумное существо, под ним – человек, а под человеком – Сократ, Платон и <вообще> отдельные люди. Но в этом ряду субстанция есть то, что является в наибольшей мере родом и выступает только как род, а человек – то, что является в наибольшей мере видом и выступает только как вид, тело же есть вид по отношению к субстанции, но род по отношению к телу одушевленному... Таким образом, как субстанция стояла на самом верху, потому что раньше ее не было ничего и являлась родом в наивысшей мере, так и человек представляет собою вид, за которым уже нет <другого> вида или чего-нибудь, способного <дальше> делиться на виды, но <за этим видом> уже идут не те или иные индивидуальные вещи (ибо нечто индивидуальное есть Сократ, и Платон, и вот этот белый предмет), и он оказывается исключительно только видом, и самым последним видом, или – как мы сказали – видом в наивысшей мере»²¹. Самостоятельным существованием обладает, по Аристотелю, лишь первичная сущность, ‘вот этот’ индивид. В свою очередь, форма, как отмечает он в «Метафизике», «означает ‘такое-то’, а не определенное ‘вот это’; делают же и производят из ‘вот этого’ ‘такое-то’, и, когда вещь произве-

²⁰ *Аристотель*. Категории // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 55–56.

²¹ *Аристотель*. Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 57.

дена, она ‘такое-то нечто’ (tode toionde)» (Метафизика, 1033b 20-25)

Обращая внимание на те различные смыслы, в которых говорится о субстрате, Аристотель пишет: «как такой субстрат в одном смысле обозначается материя, в другом - форма (*morphe*) и в третьем – то, что из них состоит. Под материей же я разумею, например, медь; под формой – очертание-образ (*schemates ideas*), под тем, что состоит из обоих, – изваяние как целое. Так что если форма (*eidos*) первее материи и есть сущее в большей мере, она на том же основании первее и того, что состоит из того и другого» (Метафизика, 1029a1-7). Характеристика Аристотелем формы как *schemates ideas* (наряду с *morphe* и *eidos*) не дает, однако, оснований считать его родоначальником схематической версии логического гилеморфизма, поскольку Стагирит различает материю и форму первичных, а не языковых сущностей. Важно также то, что формальное трактуется им не мерелогически (как часть целого, рядоположенная с его материальными частями), а как динамический принцип организации, суть бытия вещи, то, что делает ее тем, что она есть.

Сущность есть бытие, обладающее чтойностью²². Логосом чтойности, выражением ‘сути бытия’ в языке является определение: «совершенно очевидно, что определение есть обозначение сути бытия вещи и что суть бытия имеется для одних только сущностей, или главным образом для них, первично и прямо» (Метафизика, 1031a 15-18)²³. Индивидам, по Аристотелю, нельзя дать определения, поскольку они различаются не по сути, а в силу различия приводящих признаков. «В плане бытия, – подчеркивает

²² См.: Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 100.

²³ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.1. С. 195.

В.Ф. Асмус, – ‘форма’ – сущность предмета. В плане познания ‘форма’ – понятие о предмете или те определения самого по себе существующего предмета, которые могут быть сформулированы в понятии о предмете. То, с чем может иметь дело знание, есть только понятие, заключающее в себе существенные определения предмета»²⁴.

Будучи обозначением, определение имеет части. «Так как определение, – пишет Аристотель, – это обозначение²⁵, а всякое обозначение имеет части и так же, как обозначение, относится к предмету, так и часть его относится к части предмета, то возникает затруднение, должно ли обозначение отдельных частей содержаться в обозначении целого или нет» (Метафизика, 1034b 20-24)²⁶. Согласно Майлсу Бёрниту, эта апория является логической, поскольку не апеллирует к категориям материи и формы, но разрешает ее Аристотель метафизически, различая части материи и части формы: «части бывают и у формы (формой я называю суть бытия вещи), и у целого, составленного из формы и материи, и у самой материи. Но части обозначения – это только части формы, и обозначение касается общего, ибо бытие кругом и круг, бытие душой и душа – одно и то же» (Метафизика, 1035b 32-34)²⁷. Бёрнит подчеркивает, что в «Метафизике» Стагирит строго различает абстрактные логические (logikos) подходы и те, которые относятся к объектам исследования, апеллируя к дихотомии материи и формы. Именно этим различием объясняется удивительное на первый взгляд отсутствие в «Органоне» дихотомии ма-

²⁴ Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М., 1975. Т. 1. С. 12-13.

²⁵ В оригинале: λόγος.

²⁶ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 204.

²⁷ Там же. С. 207.

терии и формы²⁸.

Итак, фундаментальная для Аристотеля метафизическая дихотомия материи и формы не только автоматически не влечет логического гилеморфизма, но в определенном смысле исключает его. Чем же, если не логическим гилеморфизмом, объясняется в таком случае использование буквенной символизации в его логике? Для ответа на этот вопрос полезно обратиться к трактовке Старигитом природы и задач его собственной логической теории.

Как известно, греческий термин *logikē* в произведениях Аристотеля не встречается. Однако прилагательное *logikōs* им используется, как правило, для того, чтобы подчеркнуть диалектический характер исследования. 'Доказывающий силлогизм' имеет практическое значение прежде всего для ведения спора, выступления в суде и народном собрании. Стагирит различает два вида диалектических доводов – наведение и силлогизм: «Наведение – (способ) более убедительный и более очевидный и для чувственного восприятия более доступный... Силлогизм же – (способ) более неодолимый и более действенный против тех, кто склонен спорить» (Толика I, 12, 105a 12-19)²⁹. Вместе с тем, он ставит доказывающую науку, являющуюся предметом Аналитики, выше диалектической и, тем более, риторической эпистемы, которая, в свою очередь, представляет собой соединение аналитической науки и политики. «Первая Аналитика» открывается следующим определением предмета исследования: «оно о доказательстве, и это дело доказывающей науки» (Первая Аналитика, 24a1-3)³⁰. Во «Второй Аналитике» Стагирит пишет: «Под доказатель-

²⁸ Burnyeat M. A Map of Metaphysics Zeta. Pittsburgh: Mathesis Publications, 2001. P. 3.

²⁹ Аристотель. Толика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 362.

³⁰ Аристотель. Первая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 119.

ством же я разумею научный силлогизм» (Вторая Аналитика, I 2, 71b17).³¹ Известна, впрочем, критическая оценка силлогистики Кантом, который по существу сводил ее задачи к риторическим. Он называл силлогистику ‘атлетикой ученых’, искусством, позволяющим «в ученом словопрении взять верх над неосмотрительным противником», которое, вместе с тем, «немного способствует интересам истины»³².

К сожалению, прояснение дисциплинарного статуса силлогистики затруднено отсутствием в корпусе логических трудов Аристотеля четкой дефиниции силлогизма. Имеющиеся определения неоднозначны, допускают различные истолкования и представляют значительные трудности для перевода. В «Первой Аналитике» Стагирит дает наиболее развернутое определение: «силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть. Под [выражением] ‘в силу того, что положенное есть’ я разумею, что это отличное вытекает благодаря этому, а под [выражением] ‘вытекает благодаря этому’ – что для возникновения необходимости не требуется постороннего термина» (Первая Аналитика, 24b18–24)³³. Определение силлогизма в «Топике» носит настолько общий характер, что термин *sylllogismos* (лат. – *syllogismus*) переводится обычно как доказательство (в английских переводах как *deduction*): «Доказательство имеется тогда, когда умозаключение строится из истинных и первых [положений] или из таких, знание о которых берет свое начало

³¹ Аристотель. Вторая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 259.

³² Кант И. Ложное мудрствование в четырёх фигурах силлогизма // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 73.

³³ Аристотель. Первая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах, т. 2. М.: Мысль, 1975. С. 120.

от тех или иных первых и истинных [положений]» (Тописка I 1, 100a25–29)³⁴. Трактат «О софистических опровержениях» содержит третье определение силлогизма, в русском переводе которого употребляется термин умозаключение: «Умозаключение же исходит из определенных положений таким образом, что оно через положенное с необходимостью высказывает нечто отличное от положенного» (О софистических опровержениях, 1, 164b27–165a2)³⁵.

Терминологический разнобой в переводах аристотелевских определений силлогизма отчасти оправдан тем, что было бы анахронизмом применять к широкому пониманию *syllogismos* во «Второй Аналитике», «Топике» и «О софистических опровержениях» технический термин ‘силлогизм’, связываемый в «Первой Аналитике» и в традиционной логике с необходимым отношением терминов. Традиция полагает, что эти трактаты (включая первую версию «Второй Аналитики»), для которых характерно употребление термина ‘силлогизм’ в соответствующем его этимологии смысле, были написаны раньше «Первой Аналитики», разрабатывающей теорию простого категорического силлогизма³⁶. Вместе с тем, многообразие переводов нивелирует то общее, что имеют различные определения силлогизма в текстах Аристотеля. «Настоящий центр логической системы Аристотеля, – подчеркивает Вильям Минто, – пред-

³⁴ *Аристотель*. Тописка // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 349.

³⁵ *Аристотель*. О софистических опровержениях // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 535.

³⁶ См.: *Попов П.И., Стяжкин Н.И.* Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М.: Издательство Московского университета, 1974. С. 39; *Allen J.* The Development of Aristotle’s Logic: Part of an Account in Outline // *Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy*. 1995. Vol. 11. P. 177; *Kneale W., Kneale M.* The Development of Logic. Oxford, 1962. P. 44.

ставляет именно силлогизм (чистые формы которого изложены в «Первой Аналитике») независимо от того, прилагаются ли они к исследованию научной истины (как во «Второй аналитике») или же к ходячим мнениям (как в «Топике»)»³⁷.

Выход из этого затруднения может открыть переключение внимания на отношение *необходимого сопутствования*, отсылка к которому присутствует во всех аристотелевских определениях силлогизма. Ключевая роль выражения ‘сопутствует’ акцентируется в переводах фрагментов из «Первой Аналитики» и «Топики», предложенных Е.В. Орловым: «Силлогизм же есть логос, в котором каким-то положенным [посылкам] с необходимостью сопутствует (συμβαίνει) что-то другое (ἕτερόν τι) для положенных, благодаря их [т.е. положенных посылок] бытию (τῷ ταῦτα εἶναι). Говорю же ‘благодаря их бытию’ [в смысле] ‘сопутствование из-за них’ (τὸ διὰ ταῦτα συμβαίνειν); а ‘сопутствование из-за них’ [значит, что] оно не нуждается ни в каком постороннем термине, чтобы возникнуть с необходимостью» (Первая Аналитика I 1, 24b18–22); «Силлогизм же есть логос, в котором каким-то положенным [посылкам] (ἐν ᾧ τεθέντων τινῶν) с необходимостью сопутствует что-то другое из-за положенных (διὰ τῶν κεκμένων) (Топика I 1, 100a25–27)»³⁸. Традиционно ‘сопутствует’ переводится на русский язык как *вытекает*, а на английский язык – как *follows (the consequence)* или *result of (resulting)*. Е.В. Орлов отдает предпочтение буквальному переводу, передающему единство аристотелевского словоупотребления. «Если, например, – отмечает он, – мы провели доказательство согласно силлогизму А В, В Г ⊢ А Г, то можно сказать, что

³⁷ Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. М.: Тип. Сытина, 1905. С. 4.

³⁸ Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской Академии наук, 2011. С. 230.

‘А само по себе сопутствует Г’»³⁹. Он подчеркивает, что «смысл доказательства по Аристотелю сводится к обоснованию бытия большего крайнего термина. Если иметь в виду буквенную запись силлогизма ($A B, B G \vdash A G$), то речь идет о бытии A . Для A ‘быть’, значит ‘быть присущим’ G . Средний термин оказывается причиной бытия A (а также его определением)»⁴⁰.

Действительно, во «Второй Аналитике» Стагирит замечает, что «подобно тому как о привходящем можно вывести заключение при помощи силлогизма, что оно присуще, точно так же можно посредством рода построить [определение]» (Вторая Аналитика, 97a26-28)⁴¹. Рассмотрим аристотелевское определение: «Гром есть шум в тучах» (Вторая Аналитика, 93b105). Лишь после доказательства, вскрывающего причину этого шума (потухание огня), ‘шум’ из присоединенного свойства в посылке становится присущим грому. «Теперь, – как подчеркивает А.В. Родин, – ‘шум’, ‘тучи’ и ‘потухающий огонь’ включены в качестве моментов чтойности единой первичной сущности ‘гром’, которая есть ‘шум потухающего огня в облаках’⁴². Таким образом, доказательство показывает чтойность бытия первичной сущности. «При этом средний термин доказательства, – отмечает А.В. Родин, – оказывается, так сказать, *средоточием* этой чтойности бытия, поскольку он есть *причина*, и если крайние термины доказательства могут быть помыслены отдельно друг от друга и от чтойности в целом, то средний термин (или средние термины, ес-

³⁹ Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской Академии наук С. 231.

⁴⁰ Там же. С. 295.

⁴¹ Аристотель. Вторая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.2. С. 259.

⁴² Родин А.В. Математика Эвклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003. С. 106.

ли доказательство многошаговое) не может быть помыслен отдельно от соответствующей чтойности: имея средний термин, мы необходимо имеем и всю чтойность в целом»⁴³.

Аристотелевское само по себе сопутствование переключается с фундаментальным для индийской силлогистики школы навья-ньяя отношением *проникновения сущностей (вьяпти)*. Вывод у найяиков осуществляется в силу неразрывной связи, проникновения основания вывода и выводимого следствия. «Никакой вывод невозможен, – замечает Сарвепалли Радхакришнан, – если нет неразрывной связи (*вьяпти*) между знаком и выводимым признаком. В “Ведантапарибхаше” говорится: “Орудием вывода является знание общей связи”»⁴⁴. Вьяпти суждений опирается на онтологическое отношение объектов: один объект *проникает* другой, если наблюдается всегда (или хотя бы в большинстве случаев), когда наблюдается другой.

Навья-ньяя предлагает пятичленную схему вывода, названную ее европейским первооткрывателем Генри Колебруком⁴⁵ *индийским силлогизмом*: 1) *пратиджня*, или суждение: «холм в огне»; 2) *хету*, или основание: «потому что он (холм) дымится»; 3) *удахарана*, или поясняющий пример: «все, что огненно, дымится, как например кухонный очаг»; 4) *упаная*, или применение «а это есть холм»; 5) *нигамана*, или утверждение заключения: «следовательно»

⁴³ Родин А.В. Математика Эвклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003. С. 120.

⁴⁴ Радхакришнан С. Индийская философия. М.: В двух томах. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 2. С. 40.

⁴⁵ См.: Colebrooke H. T. On the Philosophy of the Hindus. On the Nygya and Vaigeshika systems // Ganeri J. (ed.). Indian Logic: A Reader. New York: Routledge, 2001. P. 26–58.

но, холм в огне»⁴⁶. Силлогизм должен доказать, что субъект, представленный в восприятии, обладает признаком, указанном в предикате.

Ссылка на опыт многократных наблюдений и вероятностный, даже статистический характер вывода в силлогистике навья-ньяи делают практически общим местом оценку её как разновидности индуктивной логики. Однако Дигнага учит, что пример не устанавливает общность правила. Средний термин должен быть свободен от всяких условий. «Мы не можем доказывать, – подчеркивает Радхакришнан, – что *A* – смуглый просто потому, что он – сын *B* и поэтому похож на других детей *B* и не похож на детей других людей. Это заключение может быть и верным и неверным с фактической стороны, но оно дефектно с логической точки зрения, так как нет безусловного отношения (*анупадхикасамбандха*) между ‘быть сыном *B*’ и ‘смуглым цветом лица’»⁴⁷.

Как отмечает В.А. Смирнов, онтология найяиков основана на интенциональном платонизме. «Вывод здесь, – пишет он, – процесс, в котором оперируют не просто высказываниями и терминами как лингвистическими объектами, а ‘знаниями’. Однако, несмотря на это, вывод носит формальный характер»⁴⁸. Действительно, теория вывода является для найяиков составляющей частью *праманавады* – учения о достоверных источниках знания, а формальность этой теории обеспечивается особой онтологией знания, разрабатываемой школой навья-ньяи. Вывод у найяиков понимается как *анумана*, то есть знание, которое следует за другим знанием, а именно, за знанием знака

⁴⁶ Радхакришнан С. Индийская философия. М.: В двух томах. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 2. С. 38.

⁴⁷ Там же. С. 41.

⁴⁸ Смирнов В.А. Логико-философские труды. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 35.

(лингa) следует знание объекта, а за знанием того, что признаку этого объекта неизменно сопутствует другой признак, – знание того признака, который мы хотим установить. Таким образом, важнейшим элементом вывода является *лингaпарамарша*, или принятие в расчет знака. Согласно Гангеше, главной причиной вывода является именно лингапарамарша, в то время как *вьяпти* служит лишь его непрямой причиной. Как отмечают Сатисчандра Чаттерджи и Дхирендрамохан Датта, вывод у найяиков «представляет собой такой процесс мышления, при котором мы переходим от восприятия (*apprehension*) некоторого признака (*лингa*) к чему-то другому благодаря наличию отношения неизменного сосуществования (*вьяпти*) данного признака с этим другим»⁴⁹.

При этом само отношение проникновения найяики также полагали чувственно наблюдаемым. В дымности зоркий человек непосредственно воспринимает *вьяпти* огненности, делая вывод: «То, что дымится, воспламенено». По замечанию Дингаги, то, что выводится, не есть ни огонь, ни холм, а огненный холм⁵⁰.

Найяики постулируют необычное восприятие, называемое *саманья-лакшана*, – восприятие классов. Говоря ‘Все люди смертны’, мы приписываем качество смертности всем людям, поскольку воспринимаем сущность класса, а именно, ‘человеческое’ как связанное со смертностью. «Именно это непосредственное знание или восприятие ‘человеческого’ и есть то опосредствование, при помощи которого я воспринимаю всех людей, или класс людей, – подчеркивают Чаттерджи и Датта. – Воспринимать человеческое – значит воспринимать всех людей, поскольку они имеют общее – ‘человеческое’; короче, воспринимать

⁴⁹ Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. С. 160.

⁵⁰ Радхакришнан С. Индийская философия. В двух томах. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 2. С. 43.

человеческое – значит воспринимать всех людей как индивидов с присущим им общим – ‘человеческим’»⁵¹. Только воспринимая ‘человеческое’, то есть всех людей, или человека как такового, можно делать вывод о его смертности.

Очевидно, что дедуктивный аппарат современной логики с характерными для него онтологическими допущениями не передает *проникновения сущностей* навья-ньяи. Однако адекватен ли он *самому по себе соупутствованию* Аристотеля?

Согласно авторитетной интерпретации Лукасевича, неверно считать аристотелевским знаменитый ‘перипатетический’ силлогизм, приводимый в «Пирроновых положениях» Секста Эмпирика:

(1) Все люди смертны,
Сократ – человек,
Следовательно,
Сократ смертен,

и даже ‘более аристотелевский’ силлогизм, не содержащий единичных терминов:

(2) Все люди смертны,
Все греки – люди,
Следовательно,
Все греки смертны.

Дело в том, что, по мнению Лукасевича, силлогизмы в текстах Аристотеля представляют собой не умозаключения, а имплицативные высказывания, содержащие конъюнкцию посылок в качестве антецедента и заключение в качестве консеквента. Он полагает, что подлинным приме-

⁵¹ Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. С. 157.

ром аристотелевского силлогизма будет следующая импликация:

(3) Если все люди смертны
и все греки – люди,
то все греки смертны.

Впрочем, Лукасевич отмечает, что именно такой силлогизм в текстах Аристотеля обнаружить невозможно, но можно привести примеры подобных силлогизмов из «Второй аналитики», простейшим из которых является следующий:

(4) Если все широколиственные растения –
растения с опадающими листьями
и все виноградные лозы –
широколиственные растения,
то все виноградные лозы –
растения с опадающими листьями.

Лукасевич обращает, правда, внимание на то, что и этот силлогизм не принадлежит к логике, которая не является наукой о людях или растениях. «Чтобы получить силлогизм в сфере чистой логики, – подчеркивает он, – мы должны устранить из силлогизма то, что может быть названо его материей, сохранив только его форму. Это и было сделано Аристотелем, который вместо конкретных субъектов и предикатов ввел буквы. Подставляя в (4) букву А вместо ‘растение с опадающими листьями’, букву В – вместо ‘широколиственное растение’, букву С – вместо ‘виноградная лоза’ и употребляя, как это делал Аристотель, все эти термины в единственном числе, мы получим следующую силлогистическую форму:

(5) Если всякое В есть А

и всякое С есть В,
то всякое С есть А»⁵².

Подлинным аристотелевским силлогизмом является, согласно Лукасевичу, версия формы (5), модифицированная в аутентичном стиле Стагирита и названная в позднейшей мнемонической традиции *Barbara*:

(6) Если А высказывается обо всяком В
и В высказывается обо всяком С,
то А высказывается обо всяком С⁵³.

Вместе с тем, по свидетельству В.А. Бочарова и В.И. Маркина, силлогизм в текстах Аристотеля понимается не только как имплицативное высказывание, но и как вывод, пара посылок или даже заключение (точнее, то отношение между крайними терминами, которое фиксируется в заключении)⁵⁴. Выход из затруднения они видят в том, чтобы переместить внимание с утверждений, которые делал по этому поводу Аристотель, на специфические черты построенной им дедуктивной системы. Такая исследовательская стратегия приводит их к «однозначному заключению о том, что для Аристотеля силлогизм являлся, прежде всего, *метаязыковым утверждением о выводимости*»⁵⁵. Таким образом, силлогизм предстает не как имплицативное высказывание объектного языка $(p \& q) \supset r$, а как метаутверждение о выводимости $(p \& q) \vdash r$, где p, q, r – категорические высказывания.

⁵² Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 35.

⁵³ Там же. С. 36.

⁵⁴ Бочаров В.А., Маркин В.И. Силлогистические теории. М.: Прогресс-традиция, 2010. С. 39-40.

⁵⁵ Там же. С. 40.

Эта интерпретация объясняет, в частности, почему Аристотель мог обойтись без дедуктивного аппарата логики высказываний при сведении модусов второй и третьей фигур к модусам первой. «Для построения выводов в силлогистике, – отмечают В.А. Бочаров и В.И. Маркин, – ему достаточно было иметь некоторые правила переходов от одних метаутверждений о выводимости к другим метаутверждениям такого рода, т.е. такие правила, которые фиксируют свойства самой выводимости»⁵⁶.

Трактовка аристотелевского силлогизма как метаязыкового утверждения о выводимости открывает перспективу для разрешения загадки ‘прискорбных неточностей’ в логических трудах Аристотеля⁵⁷.

По мнению Лукасевича, Аристотель различал материю и форму силлогизма, относя к его материи значения переменных. «Если вы удалите из силлогизма все конкретные термины, заменив их буквами, – полагает Лукасевич, – вы удалите материю силлогизма, и то, что останется, называется его формой.... К форме силлогизма, кроме числа и расположения переменных, принадлежат так называемые логические постоянные»⁵⁸. Поскольку аристотелевскую

⁵⁶ Бочаров В.А., Маркин В.И. Силлогистические теории. М.: Прогресс-традиция, 2010. С. 41.

⁵⁷ Трактовка силлогизмов не как выражений объектного языка, а как выводов в метаязыке была намечена Артуром Прайором и разработана Линн Роуз и Джоном Коркораном. См.: *Prior A. N. Formal Logic*. 2nd ed. Oxford, 1962. P. 116; *Rose L.E. Aristotle's Syllogistic*, Springfield 1968; *Corcoran J. Aristotle's Natural Deduction System* // Corcoran J. (ed.) *Ancient logic and its modern interpretations*. Dordrecht; Boston, 1974. P. 85–132; *Corcoran J. A Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic* // *Archiv fur Geschichte der Philosophie*. 1973. Vol. 55. P. 191–219.

⁵⁸ Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 50. В учебниках по традиционной логике встречается иное понимание материи силлогизма. «В

логику характеризуют четыре постоянные, обозначенные средневековой логикой А, Е, I, О и представляющие отношения в сфере общих терминов ('быть присущим всякому', 'не быть присущим ни одному', 'быть присущим некоторому', 'не быть присущим некоторому'), Лукасевич приходит к классической формулировке: «логика Аристотеля – это теория отношений в сфере общих терминов»⁵⁹.

Вместе с тем, он подмечает в текстах Стагирита досадные 'неточности', происходящие 'от некоторой предвзятости', а именно, использование различных фраз для выражения одних и тех же мыслей. Так, общеутвердительное высказывание выражается Аристотелем как 'А сказывается обо всяком В', 'А присуще всякому В', 'А обо всяком В', 'А всякому В'⁶⁰. Лукасевич обращает также внимание на поразительное расхождение между абстрактной и конкретной формами силлогизма, например, в следующем фрагменте из «Первой Аналитики»: «пусть Б и В обозначают знание, А – врачебное искусство. Если же принимается, что всякое врачебное искусство есть знание и что никакое врачебное искусство не есть знание, то берутся [посылки]: Б присуще всем А, а В не присуще ни одному А. Так что такое-то знание не будет знанием» (Первая Аналитика II, 15, 64a23)⁶¹. Он комментирует этот фрагмент так: «Приведенное Аристотелем предложение с конкретными

силлогизме, – подчеркивает Г.И. Челпанов, – нужно отличать материю от формы. Материя – это истинность, присущая данным посылкам, форма – есть связь, которая придается нами терминам посылки» *Челпанов Г.И. Учебник логики. Для гимназий и самообразования. М., 1908. С. 75.*

⁵⁹ *Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 50.*

⁶⁰ *Там же. С. 54–55.*

⁶¹ *Аристотель. Первая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 235.*

терминами не может рассматриваться как результат принятой им подстановки в абстрактную формулу»⁶². Причину ‘неточностей’ в текстах Аристотеля Лукаевич усматривает в том прискорбном факте, что ни он, ни его последователи перипатетики, считавшие логику формальной дисциплиной, не были формалистами.

Действительно, если бы Аристотель ставил перед собой задачу создания канонического языка для обоснования формальной корректности силлогистических выводов, такие ‘неточности’ следовало бы оценить как непростительную небрежность. Однако придерживался ли Аристотель свойственного схематическому истолкованию формальности дихотомического деления выражений объектного языка на логические постоянные и логические переменные? Являются ли буквенные обозначения, используемые Аристотелем, переменными объектного языка, на место которых им осуществляется, пусть и с многочисленными ‘неточностями’, подстановка конкретных терминов? И в чем заключается формальность силлогистики, если она не является формализованной системой?

С эллинистических времен особое внимание комментаторов привлекал небольшой фрагмент «Первой Аналитики», где Аристотель обсуждает силлогизмы по второй фигуре, показывая, что, если М присуще всем Н и М не присуще некоторым О, то Н не присуще некоторым О (модус *Baroco*). Далее Стагирит замечает: «И если М присуще всем Н, но не всем О, то получится силлогизм о том, что Н присуще не всем О. Доказательство будет то же самое» (Первая Аналитика, 27b)⁶³. З.Н. Микеладзе дает следующее краткое примечание к этому фрагменту: «Другая формулировка Вагосо. ‘Присуще не всем’ означает здесь ‘не при-

⁶² Лукаевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. С. 54.

⁶³ Аристотель. Первая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.2. С. 128.

сущи некоторым»⁶⁴. Получается, таким образом, что Аристотель допускает отождествление в своем 'каноническом языке' синтаксически различных логических выражений. На каком основании?

Комментируя это темное место «Первой Аналитики» и полемизируя с 'новейшими мыслителями', то есть стоиками, перипатетик Александр Афродизийский (акме ок. 200 н.э.) замечает: «Здесь имеет место аргумент того сорта, который новейшие мыслители называют субсиллогистическим: он берет нечто эквивалентное посылке силлогизма и выводит из него то же самое ('Не присуще некоторым' трансформируется в эквивалентное ему 'Присуще не всем'⁶⁵). Новейшие мыслители не рассматривают такие аргументы как силлогизмы, поскольку они смотрят на слова и выражения. Аристотель, однако, смотрел на значения (когда обозначаются одни и те же вещи), а не на слова, и говорил, что тот же самый силлогизм выводится, когда выражение заключения трансформируется указанным образом – при условии, что соединение является в целом силлогистическим»⁶⁶. Лукаевич также обращает внимание на замечание Александра Афродизийского: «Силлогизм заключается не в словах, а в их значениях», расценивая это как прискорбную 'предвзятость' Аристотеля⁶⁷.

С точки зрения позднейшего идеала схематической (а, значит, синтаксической) формальности, апелляция Аристотеля к значению, не находящему адекватного выраже-

⁶⁴ Микеладзе З.Н. Примечания // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.2. С. 623.

⁶⁵ В английском переводе: 'Does not hold of every'.

⁶⁶ Barnes J., Bobzien S., Flannery K., Ierodiakonou K. Alexander of Aphrodisias: On Aristotle's Prior Analytics 1.1—7, London: Duckworth, 1991. См.: Лукаевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 55.

⁶⁷ Там же. С. 55.

ния в синтаксической форме канонического объектного языка, безусловно, уступает подходу ‘новейших’ стоиков. Если же не считать многочисленные ‘небрежности’ при ‘подстановке’ на место буквенных обозначений конкретных терминов элементарной ошибкой Аристотеля, то следует признать, что он вообще не ставил перед собой задачу перевода выражений обыденного греческого языка на канонический формализованный язык, интересуясь более метаязыковым отношением между различными типами выводимости сказанного в заключении из сказанного в посылках, чем синтаксической формой, в которой выражено это сказанное. Как замечает Коркоран, «сомнительно, что Аристотель вообще рассматривал язык вне его предполагаемой интерпретации. Иными словами, кажется, что Аристотель не отделял синтаксис от семантики»⁶⁸. Он обращает внимание на то, что аристотелевская силлогистика не содержит каких-либо синтаксических или семантических результатов, а «большинство метасистематических результатов Аристотеля является теоретико-доказательственными: они касаются отношения между дуктивной системой D и различными ее подсистемами»⁶⁹.

Рассматривая процедуры сведения несовершенных силлогизмов к совершенным, Стагирит стремится показать, что «все несовершенные силлогизмы становятся совершенными через первую фигуру» (Первая Аналитика, 29a30-31)⁷⁰. Он характеризует силлогизмы по первой фигуре следующим образом: «если три термина так относятся между собой, что последний термин целиком содержится в среднем, а средний целиком содержится в первом или во-

⁶⁸ *Corcoran J.* Aristotle's Natural Deduction System // *Corcoran J. (ed.) Ancient logic and its modern interpretations.* Dordrecht / Boston, 1974. P. 104.

⁶⁹ *Ibid.* P. 113.

⁷⁰ *Аристотель.* Первая Аналитика // *Аристотель.* Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.2. С. 183.

все не содержится в нем, то для этих крайних терминов необходимо имеется совершенный силлогизм. Средним термином я называю тот, который сам содержится в одном, в то время как в нем самом содержится другой, и который по положению оказывается средним. Крайними же я называю и тот, который содержится в другом, и тот, в котором содержится другой. В самом деле, если А сказывается обо всех В, а Б – обо всех В, то А необходимо сказывается обо всех В» (Первая Аналитика, 25b32-38)⁷¹. В этой характеристике Аристотель прибегает к буквенной символизации, однако он вполне мог бы обойтись без нее, поскольку функция букв сводится к сокращению выражений ‘первый термин’, ‘средний термин’, ‘последний термин’, между референтами которых устанавливается не синтаксическое, а семантическое отношение – целиком содержаться или не содержаться друг в друге.

‘А сказывается обо всех В’ не может быть уподоблено объектному выражению с переменными, которое является ‘ненасыщенной’ пропозициональной функцией и приобретает статус утверждения в результате подстановки конкретных терминов или квантификации по переменным. Буквы в силлогистике Аристотеля не являются схематическими в том же смысле, в каком ими являются переменные объектного языка, а скорее представляют собой ‘фиктивные буквы’ (*dummy letters*), наделенные значением⁷². Как отмечает Катерина Иеродиакону, «единственное отличие между примерами с буквами и примерами с терминами, такими как ‘животное’, ‘человек’, ‘лошадь’, состоит в том, что только в случае с буквами не является релевантным то,

⁷¹ *Аристотель*. Первая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.2. С. 123.

⁷² См.: *Kirwan C. Logic and Argument*. New York University Press., 1978; *Flannery K. L. Ways into the Logic of Alexander of Aphrodisias*. Leiden: Brill., 1995.

что они обозначают»⁷³. Выражения с фиктивными буквами в аристотелевской силлогистике – это конкретные высказывания, а не пропозициональные формы. В отличие от ‘ненасыщенных выражений’ с переменными, они истинны или ложны, однако их истинностное значение не оказывает влияния на корректность силлогических выводов.

«Следует отметить, – подчеркивает Коркоран, – что в системе Аристотеля нет необходимости постулировать переменные объектного языка»⁷⁴. Ссылаясь на критику Лукасевича Линн Роуз⁷⁵, показавшей, что в текстах Аристотеля *есть* силлогизмы с терминами, относящимися к содержанию, он отмечает, что его позиция более радикальна и состоит в том, что «*все* аристотелевские силлогизмы содержат слова, относящиеся к содержанию, то есть Аристотель нигде не обозначает формы аргументов или пропозициональные функции. Все кажущиеся исключения лучше истолковывать как металингвистическое обозначение ‘конкретных силлогизмов’»⁷⁶.

Таким образом, само по себе использование ‘фиктивных букв’ не является решающим фактором в переходе от ‘неформального’ или ‘пред-формального’ обсуждения логических выводов, скажем, в «Топике»⁷⁷ к формальной

⁷³ *Ierodiakonou K.* Aristotle's Use of Examples in the "Prior Analytics" // *Phronesis*. 2002. Vol. 47, 2. P. 127–152.

⁷⁴ *Corcoran J.* Aristotle's Natural Deduction System // *Corcoran J.* (ed.) *Ancient logic and its modern interpretations*. Dordrecht / Boston, 1974. P. 98.

⁷⁵ См.: *Rose L.* Aristotle's Syllogistic. Springfield Illinois, 1968. P. 39.

⁷⁶ *Corcoran J.* Aristotle's Natural Deduction System // *Corcoran J.* (ed.) *Ancient logic and its modern interpretations*. Dordrecht / Boston, 1974. P. 126.

⁷⁷ См.: *Burnyeat M.* Enthymeme: Aristotle on the Logic of Persuasion // *D.J. Furley and A. Nehamas* (eds.) *Aristotle's Rhetoric: Philosophical Essays*, Princeton, 1994. P. 3-55; *Woods J. and Irvine A.* Aristotle's Early Logic // *D.M. Gabbay and J. Woods* (eds.),

теории дедукции в «Первой Аналитике». В принципе, как отмечает Марко Малинк, многие утверждения «Топики» могут быть выражены с помощью буквенных обозначений. Скажем, можно переписать топический принцип «о чем сказывается вид, о том должен сказываться и род» (Топика, 4. 1 121a25–6)⁷⁸ в следующем виде: «Если А является родом для В, В видом для А, и В сказывается о С, то А сказывается о С»⁷⁹. Однако это не превратит «Топику» в «Первую Аналитику», как не превращает «Первую Аналитику» в «Топику» использование описательных выражений вместо букв. Стагирит легко переходит от описания модусов совершенного силлогизма без использования букв: «если три термина так относятся между собой, что последний термин целиком содержится в среднем, а средний целиком содержится в первом или вовсе не содержится в нем, то для этих крайних терминов необходимо имеется совершенный силлогизм» (Первая Аналитика, 25b32-6) к описанию с использованием букв: «если А сказывается обо всех Б, а Б – обо всех В, то А необходимо сказывается обо всех В» (Первая Аналитика, 25b36-9)⁸⁰.

Подчеркивая обобщающий характер античной риторики, С.С. Аверинцев пишет: «Излюбленная риторическая схема описания выбора (в частности, выбора жизненного пути) такова: некто избирает одно, некто – другое, сей лю-

Handbook of the History of Logic. Vol. 1: Greek, Indian and Arabic Logic. Amsterdam, 2004. P. 27–99.

⁷⁸ *Аристотель*. Топика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 409.

⁷⁹ *Malink M.* The Beginnings of Formal Logic: Deduction in Aristotle's Topics vs. Prior Analytics // *Phronesis*. 2015. Vol. 60. P. 270.

⁸⁰ *Аристотель*. Первая Аналитика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.2. С. 123.

бит то-то, а оный – то-то, я же предпочитаю иное»⁸¹. Он приводит эффектный пример из Сапфо: «Одни – строй конников, другие – строй пеших, те же – строй кораблей назовут прекраснейшим на черной земле; а я – то, что кто-то любит (ὄττω τις εραται)»⁸². Та же ‘формальная парадигматика античной литературы’ запечатлена в ужасающем экфрасисе битвы у Либания: «... У этого рука отторгается, у того же око исторгается; сей простерт, пораженный в пах, оному же некто разверз чрево... Некто, умертвив того-то, снимал с павшего доспехи, и некто, приметив его за этим делом, сразив, поверг на труп; а самого этого – еще новый. Один умер, убив многих, а другой – немногих...»⁸³.

Историко-культурной антитезой риторическому ‘некто’, τις, предстает, как отмечает С.С. Аверинцев, несчастный Иван Ильич, отказывающийся применить к себе самому отвлеченный силлогизм о смертности Кая из учебника логики: «То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, с папа, с Митей и Володей, с игрушками, с кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня? Разве Кай целовал так руку матери и разве для Кая так шуршал шелк складок платья матери?»⁸⁴.

Не является ли в таком случае силлогистика лишь эффектом риторического стиля с его обобщающим пафосом?

⁸¹ *Аверинцев С. С.* Риторика как подход к обобщению действительности // *Поэтика древнегреческой литературы*. М.: Наука, 1981. С. 21.

⁸² *Там же*. С. 22.

⁸³ *Там же*. С. 15.

⁸⁴ *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича // *Толстой Л.Н.* Избранные повести и рассказы. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 2. С. 129.

Как полагает, например, В.П. Зубов, аподиктическая логика Аристотеля – не что иное, как частный случай топической. «Ключ к его аподиктике, – замечает он, – в “Топике”»⁸⁵. Не совпадают ли формы рассуждения с риторическими топами (общими местами, *koinoi topoi*, *loci communes*)?

Против весьма влиятельной традиции истолкования топа как логической формы⁸⁶ свидетельствует, однако, характеристика его Аристотелем как специфической посылки. «Видами, – пишет он, – я называю посылки, свойственные каждому отдельному роду предметов, а топами – посылки, одинаково общие всем предметам» (Риторика, 1358a31). Таким образом, топ отличается от вида лишь степенью общности, которую Стагирит рекомендует по возможности увеличивать. «Топам же, касающимся того, что в большей степени, и того, что больше, – пишет он, – следует придать как можно более общий вид, ибо если их берут таким именно образом, то они могут быть применены и к большему числу случаев. Действительно, некоторые из указанных топов можно сделать более общими, если несколько изменить выражение; например, то, что таково от природы, таково в большей мере, чем то, что таково не от природы. И если что-то одно делает таким-то и таким-то то, что обладает им или чему оно присуще, а другое не делает этого, то таким в большей мере будет то, что делает, а не то, что не делает этого. Если же и то и другое делает нечто таким-то, то в большей мере таким будет [то, что делает его таким в большей мере]» (Топика, 3. 5 119a11–20)⁸⁷. В комментариях И.С. Нарского и Н.И. Стяжкина к «Топике»

⁸⁵ Зубов В. П. Избранные труды по истории философии и эстетики, 1917-1930. М.: Индрик, 2004. С. 295.

⁸⁶ См.: *Grimaldi W.* Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric. Wiesbaden: Hermes, 1972. P. 129.

⁸⁷ *Аристотель.* Топика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975. Т.2. С. 403.

отмечается, что «обобщение достигается, стало быть, заменой вхождений конкретных терминов, таких как ‘хорошо’, ‘достойно’, ‘значимо’ и т.п. в формулировки топов вхождениями слова ‘таково’, играющего роль переменного по подобным терминам»⁸⁸.

Однако при всей их обобщенности топы не обосновывают необходимого сопутствования ‘положенным’ (посылкам) ‘другого для положенных’ (заклучения). «В отличие от Топики, – подчеркивает Малинк, – Первая Аналитика предлагает критерий для определения того, что ни одна посылка не пропущена в данном аргументе»⁸⁹. Отождествление правила вывода с его посылкой чревато, как свидетельствует знаменитая ‘двухчастная инвенция’ Льюиса Кэрролла «Что Черепаха сказала Ахиллесу», дурной бесконечностью комментария⁹⁰. С другой стороны, трактовка силлогизмов как метаязыковых утверждений о выводимости и исследование процедур сведения их несовершенных форм к совершенным перемещает фокус интереса с тематизируемого схематической моделью формальности отношения между условиями истинности посылок и заключения на парадигмальные для динамической модели формальные отношения между различными правилами вывода. Для Аристотеля, как отмечает Хавьер Субири, теория – это «высшая форма праксиса – деятельности, которая самодостаточна, потому что не производит ничего вне себя самой»⁹¹.

Решающий шаг на пути к схематической трактовке ло-

⁸⁸ Нарский И. С., Стяжкин Н. И. Комментарии к Топике // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т.2. М.: Мысль, 1978. С. 653.

⁸⁹ Malink M. The Beginnings of Formal Logic: Deduction in Aristotle's Topics vs. Prior Analytics // Phronesis. 2015. Vol. 60. P. 272.

⁹⁰ См.: Кэрролл Л. История с узелками. М.: Мир, 2000.

⁹¹ Субири Х. Пять лекций по философии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, М.: 2007. С. 14.

гического гилеморфизма с устанавливаемой ею жесткой корреляцией между метатеоретическим исследованием отношения выводимости и формализацией объектного языка делает не сам Аристотель, а его эллинистические комментаторы, развивавшие перипатетическую логику в полемике со стоиками и, безусловно, испытавшие их влияние.

Стоики различали *logos* и *tropos*, трактуя доказательство как знак. Секст Эмпирик приводит следующее рассуждение: «если существует какой-то знак, то существует знак, а если не существует знак, то знак существует, ибо то, что нет знака, указывается доказательством, которое есть знак» (II, 132)⁹². Для формулировки принципов корректных рассуждений стоики использовали порядковые числительные. Хризипп различал пять таких базисных принципов: (1) если есть первое, то есть и второе; но первое есть, следовательно, есть и второе (*modus ponens*); (2) если есть первое, то есть и второе; но второго нет, следовательно, нет и первого (*modus tollens*); (3) неверно, что есть первое и второе; но первое есть; следовательно, нет второго; (4) есть либо первое, либо второе; но первое есть; следовательно, нет второго; (5) есть либо первое, либо второе; но второго нет; следовательно, есть первое⁹³.

По свидетельству Секста Эмпирика, стоики выделяли особый вид следования «в негодной форме, когда форма рассуждения непоследовательна. Например, в то время как силлогизмы, по их словам, будут следующие: ‘если существует день, то существует свет; но день существует; значит, существует свет’ или ‘если существует день, то существует свет; но дня нет; значит, нет света’, – непоследовательным рассуждением будет следующее ‘если существует

⁹² Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Том 2. М.: Мысль, 1976. С. 286.

⁹³ См.: *Mates B. Stoic Logic*. Berkeley, CA: University of California Press, 1961.

день, то существует свет; но свет существует; значит, существует день'. Ибо если связь обещает, что в ее предыдущем находится и ее заключение, то, вероятно, когда берется предыдущее, выводится вместе с этим и заключение, а с уничтожением заключения уничтожается и предыдущее, ибо если было бы предыдущее, то было бы и заключение. Когда же берется заключение, то не всегда устанавливается и предыдущее, ибо связь не обещала, чтобы предыдущее следовало за заключением, а только заключение – за предыдущим. В связи с этим говорят, что рассуждение, выводящее заключение из связи и из предыдущего, силлогистично, равно как выводящее из связи и из противоположного заключению противоположное предыдущему; выводящее же предыдущее из связи и заключения непоследовательно, как, например, только что приведенное, поскольку оно, даже если его посылки правильны, выводит ложное, если оно высказывается ночью и при свете лампы. Ибо связь 'если существует день, то существует свет' оказывается истинной также как и прибавка 'но свет существует', заключение же 'значит, существует день' оказывается ложным» (II, 147-149)⁹⁴. Стоит отметить, правда, что при естественном истолковании 'если то' как материальной импликации рассуждение 'если существует день, то существует свет; но дня нет; значит, нет света' является 'непоследовательным' переходом от отрицания антецедента к отрицанию консеквента и, подобно заключению от утверждения консеквента к утверждению антецедента, ведет к ложному выводу, 'если оно высказывается ночью и при свете лампы'.

Важным источником информации как о стоической, так и о перипатетической логике являются комментарии к «Первой Аналитике» Александра Афродизийского, воз-

⁹⁴ Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Том 2. М.: Мысль, 1976. С. 290-291.

главлявшего Ликей в 198-211 гг. и получившего от современников почетное звание Экзегета (Истолкователя). Именно Экзегетом зафиксировано возникновение термина *логика*⁹⁵, и именно в его комментариях впервые в явном виде предстает схематическая интерпретация логического гилеморфизма. Используя аристотелевскую метафору отливки, Александр Афродизийский сближает фигуры силлогизма (*schēmata*) с общей матрицей (*tuπος koinos*) или формой (*eidos*), хотя его терминология, скорее всего, не является оригинальной и восходит к старшим перипатетикам⁹⁶. «Фигуры [силлогизма], – пишет Экзегет, – подобны своего рода общей матрице: помещая в них материал, можно отливать одну и ту же форму для различных сортов материала. В случае матриц материал, помещаемый в них, различается не формой или фигурой, но материей, точно также и с фигурами силлогизма»⁹⁷.

Согласно Александру Афродизийскому, Аристотель вводит схематические буквы именно для выявления формы логического вывода. Как он полагает, Стагирит использует буквы, чтобы «указать нам, что заключение зависит не от материи (*ou para tēn hulēn*), а от фигуры (*para to schēma*), соединения посылок (*tēn toiautēn tōn protaseōn sumplokēn*) и модусов (*ton tronon*). Ибо нечто силлогистически выводится не потому, что материя представляет собой что-то такого-то рода, но потому, что таким-то является соединение

⁹⁵ См.: Попов П.И., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М.: Издательство Московского университета, 1974. С. 94.

⁹⁶ См.: Ebbesen S. Commentators and Commentaries on Aristotle's *Sophistici Elenchi*. Vol. 1. Leiden: E. J. Brill, 1981; Barnes J. Logical Form and Logical Matter // *Logica, Mente E Persona. Studi Sulla Filosofia Antica*, edited by Alberti, Antonina, 1990. P. 7–119.

⁹⁷ *Alexander of Aphrodisias. On Aristotle's Prior Analytics 1.1–7*. Translated by Jonathan Barnes, Suzanne Bobzien, Kevin Flannery, and Katerina Ierodiakonou. London: Duckworth, 1991. P. 48

(suzugia). Итак, буквы показывают, что следование будет таковым универсально, всегда и для всех допущений»⁹⁸. Экзегет предвосхищает фундаментальную для схематической формальности идею подстановочной инвариантности. «Комбинации, – пишет он, – называются силлогистическими и достоверными, если они не меняются вместе с изменениями материи – иначе говоря, если они не позволяют выводить и доказывать различные вещи в разное время, но всегда и для всех материальных случаев сохраняют одну и ту же форму заключения. Комбинации, которые меняются, варьируя конфигурацию вместе с материей, и в различное время приводят к различным и конфликтующим заключениям, не являются силлогистическими и достоверными»⁹⁹.

Вместе с тем, учение Александра Афродизийского о логической материи принципиально расходится с ее современным пониманием. Он настаивает на параллелизме логической и метафизической дихотомий формы и материи. Поскольку в метафизической дихотомии форма неотделима от материи, логическая форма также неотделима от материи. Как показал Кевин Фланнери, в трактовке Экзегета логическая материя силлогизма занимает промежуточное положение между вещью и формой, будучи определена тем, в какой род дискурса (научный или диалектический) включен данный силлогизм¹⁰⁰.

Влияние Экзегета на последующую традицию связано также с его комментариями к «Топике»¹⁰¹, где он различает

⁹⁸ *Alexander of Aphrodisias*. On Aristotle's Prior Analytics 1.1–7. Translated by Jonathan Barnes, Suzanne Bobzien, Kevin Flannery, and Katerina Ierodiakonou. London: Duckworth, 1991. P. 116

⁹⁹ *Ibid.* P. 114.

¹⁰⁰ См.: *Flannery K. L.* Ways into the Logic of Alexander of Aphrodisias. Leiden: Brill., 1995.

¹⁰¹ См.: *Alexander of Aphrodisias*. On Aristotle's Topics 1. Translated with notes by Jan van Ophuisen. London: Duckworth, 2001.

формальные и материальные ошибки в силлогизмах. Скажем, ложность посылки считается материальной ошибкой, а несоответствие правильному модусу «Первой Аналитики» – формальной. Это различие было воспринято Михаилом Эфесским, благодаря авторитетным комментариям которого к трактату «О софистических опровержениях» получило широкое хождение в схоластической логике, несмотря на то, что, как отмечает Стивен Эббесен, «его применимость к рассматриваемым Аристотелем уловкам весьма проблематична»¹⁰². По свидетельству Эббесена, первое издание комментария Михаила Эфесского следует датировать не ранее 1120 года, тогда как окончательная редакция, вошедшая в издание грекоязычных комментариев к Аристотелю (*Commentaria in Aristotelem Graeca II.3*) под названием «Приписываемый Александру комментарий к “Софистическим опровержениям” Аристотеля» (*Alexandri quod fertur in Aristotelis Sophisticos Elenchos commentarium*), появилась спустя десятилетие или даже позже¹⁰³.

На схоластическую трактовку логического гилеморфизма оказала влияние и интерпретация перипатетиками фрагмента «Об истолковании», посвященного семантике связки ‘быть’. Стагирит обращает внимание на то, что «’быть’ или ‘не быть’ не обозначения предмета, так же, когда скажешь ‘сущее’ просто, само по себе, ибо само по себе оно ничего не значит и лишь указывает на некую связь, которую, однако, нельзя мыслить без составляемых»

¹⁰² Эббесен С. «О софистических опровержениях» Аристотеля в средневековой традиции // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних Веков и раннего Нового времени. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 67.

¹⁰³ Там же. С. 64.

(Об истолковании, 16b24-25)¹⁰⁴. В базовом для средневековой системы образования учебнике латинского языка *Institutiones Grammaticae* («Грамматические наставления») римского грамматика VI века Присциана Цезарейского (Priscianus Caesariensis) упоминаются диалектики, которые выделяли синкатегорематические термины (*syncategoremata*). Присциан приписывает этим диалектикам вполне согласующееся с аристотелевским фрагментом понимание синкатегорематических терминов как означающих, то есть не имеющих самостоятельного значения, но в соединении с другими терминами составляющих значащее выражение.

Различение синкатегорематических и категорематических терминов проводилось также стоиками и неоплатониками¹⁰⁵. Использование в грамматической теории XII века термина *suppositio materialis*¹⁰⁶ свидетельствует о преемственности скорее по отношению к неоплатонистической, чем к перипатетической традиции¹⁰⁷.

Как особый литературный жанр дискуссия о синкатегорематах зарождается в XII веке¹⁰⁸, а дихотомия материи

¹⁰⁴ Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1978. Т. 2 С. 95.

¹⁰⁵ См.: Pinborg J. Logik Und Semantik Im Mittelalter: Ein Überblick, Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann – Holzboog, 1972.

¹⁰⁶ См.: Rosier-Catach I. La suppositio materialis et la question de l'autonymie au Moyen Age // Parler des mots. Le fait autonymique en discours, edited by Jacqueline Authier-Revuz, Marianne Doury, and Sandrine Reboul-Touré, Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle, 2003. P. 21–55

¹⁰⁷ См.: Dutilh Novaes C. Form and Matter in Later Latin Medieval Logic: The Cases of Suppositio and Consequentia // Journal of the History of Philosophy. 2012. Vol. 50, no. 3. P. 339–364.

¹⁰⁸ См.: Sweeney E. Literary Forms of Medieval Philosophy // E.N. Zalta (ed.), The Stanford Encyclopedia of Philosophy, <http://plato.stanford.edu/archives/win2002/entries/medieval-literary/>

и формы начинает систематически применяться в схоластической логике только с XIII века¹⁰⁹.

1.2. СИНКАТЕГОРЕМАТЫ, КОНСЕКВЕНЦИИ И ВЕЧНЫЕ ИСТИНЫ В ДИСПУТАХ ВЫСОКОЙ СХОЛАСТИКИ

В начале XII века логика, известная как *logica vetus*, из всего корпуса сочинений Аристотеля включала лишь «Категории» и «Об истолковании», а также труды Боэция, в то время как *logica nova* опиралась уже на весь Органон, переведенный на латинский язык около 1200 года. Собственный вклад средневековых авторов, известный как *logica modernorum* ('логика современных'), – это теория свойств терминов, концептуальный аппарат которой предполагал такие специфические понятия как сигнификация (*significatio*), суппозиция (*suppositio*), амплиация (*ampliatio*), учение о консеквенциях (*consequentia*) и инсолюбилиях (*insolubilia*), диспуты с предписаниями (*obligatio*).

XIII век – золотой век высокой схоластики и логики, обретения всего корпуса сочинений Аристотеля и перевода на латинский язык большинства арабских комментариев¹¹⁰, а также век расцвета европейских университетов. Как отмечает Ален де Либера, «настоящие (если не 'великие') авторы XIII века носили имена, вроде *Nomen dividuum* – в логике, *Sicut dicit Remigius* – в грамматике. Мы имеем дело с анонимами, со сколками университетского труда, свод-

¹⁰⁹ См.: Dutilh Novaes C. Form and Matter in Later Latin Medieval Logic: The Cases of *Suppositio* and *Consequentia* // Journal of the History of Philosophy. 2012. Vol. 50, no. 3. P. 345.

¹¹⁰ Книга Аль-Газали (1058 – 1111) *Maqâsid* (*Макасид аль-фаласифа, Намерения философов*), написанная в 1094 году и содержащая систематическое изложение логики восточных перипатетиков, была переведена уже в XII веке.